«...Я видела потрясающее шоу русской певицы и была восхищена хореографией, голосом, изысканностью стиля. Ее зовут Лайма. Я хорошо запомнила это имя еще и потому, что певица мне чем-то напомнила нашу Лайзу...», – эти слова принадлежат Барбре Стрейзанд в интервью известной ведущей ток-шоу Опре Уинфри. Лайма создала свой образ. Единственный. Неповторимый образ сильной и стильной женщины на российской эстраде. Образ, который оттачивался более десяти лет... Все в ней сливается в пленительный пейзаж дюн, сосен, головокружительного запаха хвои. Ее творчество – это дуновение ветерка с Рижского взморья... Но есть что-то главное – искренность, чистота, прозрачная, как янтарь с того же берега.

ЛАЙМА ВАЙКУЛЕ: ИСПОВЕДЬ

Моск. правда. – 1999. – 6 февр. – С. 3

1. Вулканическая Вайкуле

– ...Я никогда не держу зла. Никогда не ругаюсь с людьми. А в нашем шоу-бизнесе это довольно сложно.

– Неужели можно достичь твоих высот, не прошагав при этом «по трупам»?

– Мне это чуждо. Может быть, я попала не в то время. У каждого артиста – свой путь к успеху. Когда меня пытаются уверить, что для того чтобы стать звездой, надо обязательно с кем-то переспать... Мне это непонятно. Я всегда знала, что есть только один путь к успеху – работа.

– Не много ли пафоса в этих словах?

– Неважно, ведь я говорю то, что есть.

– Ну, а если только работой не получается?

– В таком случае вообще не следует думать о сцене. Мне кажется, что наша профессия довольно четкая в этом смысле. Сцена и искусство – понятия очень тонкие. Если ты не звезда где-то в глубине, то заниматься этим вообще не надо. В противном случае можно заработать только боль...

– Которую потом придется глушить вовсе не апельсиновым соком?

Объект восхищения и автор интервью.

– Это когда нервы не выдерживают.

– А как у тебя с нервами?

– Я очень вспыльчивая. Но для меня любая злость или агрессия носит мимолетный характер. Через минуту я могу себя «съесть» и очень переживать.

– Тебе никогда не хотелось наплевать на какие-то установленные обществом нормы?

– Больше того – я это делаю всегда.

– Закричать и послать всех к такой-то матери...

– Ну, к «матери» я посылать не буду – слишком воспитанна для этого. Просто могу позволить себе делать то, что я хочу. Иногда бывает такое, что даже Андрей забивается в угол *(Андрей Латковский – директор и по совместительству многолетний бойфренд звезды. – Прим. А.Т.)*. Он знает: в этот момент меня трогать нельзя, потому что происходит настоящее извержение вулкана. Но это только если перейти через планку моего терпения. Да, бывает такое... Но очень редко. На следующий день мне становится плохо, потому что понимаю – совершила грех... Знаешь, говорят, что после тридцати любой знак гороскопа несколько меняется, становится гибче. Видно, со мной это случилось гораздо раньше. Говоря проще, в двадцать лет я уже просто могла соображать. Наверное, я такая ранняя... *(Обворожительно улыбается).*

– Говорят, ты меняешь друзей, как перчатки?

– Дело не в этом. Я просто люблю новых людей. Мне с ними интересно. И потом, я не меняю, а меня просто терпят...

– Это сложно?

> *Лайма Вайкуле обратилась к группе "Отпетые мошенники" с предложением о сотрудничестве. Певица выразила желание записать с "Мошенниками" дуэт. В настоящее время группа размышляет над тем, какую композицию они могли бы исполнить вместе. Упрямое трио сразу выдвинуло условие: "Мы под нее подстраиваться не будем – пусть она подстраивается под нас". Вероятно, г-же Вайкуле будет предложена композиция "Девочка с Карибских островов", куда будут внесены какие-то специальные коррективы; не исключено также, что группа специально напишет совершенно новое музыкальное произведение со всевозможными рэп-речитативами.*

– Я очень требовательна. Мне важно, чтобы я могла позволить себе все, что хочу. В том числе и в материальном отношении. Такова моя натура. Свободолюбивая я очень. И это вовсе не связано с капризностью характера или желанием эпатировать публику.

– А если сцена требует выкинуть какую-нибудь «штучку» рекламного порядка?

– Я на это не пойду. В «шахматы» с публикой не играю. На одном из моих концертов прозвучали такие слова: «Я люблю нравиться всем. Хотя понимаю, что нравиться всем невозможно. В таком случае я предпочитаю нравиться тем, кто любит во мне то, что люблю в себе я». А обманывать публику только для того, чтобы приходили и смотрели на тебя, как на мартышку.. Я не могу этого делать. Я уже слишком взрослый человек, чтобы продавать себя, как безделушку. Многие говорят, что шоу-бизнес – это купля – продажа. Я считаю, что если и продавать, то только хороший товар. Я имею в виду хорошую музыку. Музыка для меня – это душа, любовь, переживания...

– И никогда не случается, что ты не находишь поддержки у публики?

– Никогда. Это относится еще и к тому времени, когда я работала в ночном клубе «Юрес-Перле». Получила хороший жизненный урок. Именно там выработалось определенное отношение ко многому. Имела аудиторию всего лишь в сто человек, но меня знали в Москве, Ленинграде, Киеве...

– И ту популярность никак нельзя сравнить с нынешней.

– Вне всякого сомнения. Может быть, та популярность и была в основном среди людей богатых, которые имели свои подпольные цеха, но в то же время туда приходила и творческая интеллигенция: артисты, режиссеры... Сегодня, когда я работаю в клубах, невольно вспоминаю то время...

– Это правда, что ты самая «дорогостоящая» среди всех певцов, выступающих в ночных клубах России?

– Скорее потому, что я не местная. Понимаешь, когда ты местный, тебе проще. Проснулся утром и решил: схожу-ка я сегодня и отработаю в клубе. А для меня это целое дело: приезд, оформление визы, гостиницы, коллектив... Получается совсем другая стоимость. Вот и считают меня самой дорогой. Впрочем, это даже неплохо. *(Смеется.)* Но в клубах я выступаю не так уж часто. У меня много работы практически во всех республиках бывшего Союза. При этом я даже не имею штата продюсеров и директоров. Андрей – единственный, кто мне нужен в этом бизнесе. Как я его в шутку называю, мой «теневой кабинет». Это его выводит из себя. *(Смеется.)* Не секрет, что сегодня практически все звезды сами ищут себе работу, звонят по всем клубам и предлагают себя. Я же никогда сама не прошусь. Меня приглашают. И достаточно только одного телефона, чтобы иметь двадцать концертов в месяц.

– Такая вот желанная.

– И слава Богу...

2. Чисто рижское «убийство»

– Один мой приятель сравнил тебя с Шерон Стоун. Та же трезвость мышления, обворожительная улыбка в дополнение к безупречному холодку...

– Я недавно видела Шерон Стоун в кафе *«Barney's»*. Она довольно озабоченно пыталась что-то объяснить какой-то плачущей женщине. Мне кажется, что Шерон – настоящий «крепкий орешек». Мне симпатичны такие женщины, хотя я понимаю, что они не всегда пользуются успехом среди мужчин.

– Наоборот! Одного ее появления достаточно, чтобы мужчины почувствовали себя самцами.

– Это разные вещи. Шерон очень сексуальна, но даже этого недостаточно, чтобы удержать мужчину. Скажем, если женщина ее типа не успела выйти замуж до двадцати, то потом, когда становится зрелой, очень быстро теряет интерес у мужчин.

– Неужели это относится и к тебе?

– У меня другой случай. Я живу с Андреем уже двадцать лет. Поэтому мне легче. *(Смеется.)*

– Двадцать лет?! Такое постоянство настораживает.

– Дело тут не в постоянстве. И даже не в складе характера или воспитании. Это просто совершенно иное восприятие жизни. Что такое союз мужчины и женщины? На мой взгляд, это уверенность в том, что на самом деле никто и никому не принадлежит. Только в этом случае союз будет крепкий.

– Какой же это союз?

– А вот только так. Я уже говорила тебе, что очень свободолюбивый человек, даже своей маме не принадлежу. А мужчину, который бы всю жизнь руководил мною, никогда бы не потерпела! Конечно, я понимаю, что для женщины мужчина – это стимул жизни. Но в моем случае все несколько иначе. Кроме Андрея, у меня есть еще другой стимул – сцена. Для меня она даже важнее. Сцена обязывает всегда хорошо выглядеть и быть в настроении.

– Ты никогда не давала повода для ревности, как ты считаешь?

– Наверняка давала. Спроси лучше у Андрея... Понимаешь, когда мне говорят, что в меня влюблены, что я кому-то нравлюсь... Все это адресуется больше певице, чем женщине. Я настолько убеждена в этом, что даже не в состоянии поверить, что меня кто-то может по-настоящему любить. Любят лишь мой образ.

– Ты только что «убила» какого-нибудь влюбленного в тебя молодого человека...

– Все равно, мне кажется, что не будь моей профессии, он не был бы таким влюбленным.

– Очень жестоко.

– Скорее, жестокая правда... Главное – всегда оставаться честной и искренней. Не врать. Ни на концертах, ни в жизни. Я этого никогда не делаю...

3. В лучших традициях «Крестного отца»

– Тебе знакомо чувство сожаления? Это может касаться, например, наркотиков... Или ты их не пробовала?

– Я их пробовала. В раннем возрасте. Но к счастью, ничего серьезного. Пробовала курить какую-то травку. Но мне это не понравилось... Дело в том, что я не люблю быть зависимой от чего-то. Что же касается сожаления о сделанном... Конечно, у меня есть какие-то сожаления, но они настолько личные...

– Ну поделись.

– А зачем?

– Сразу станет легче.

– Не думаешь ли ты, что я буквально страдаю о прошлом? Нет, конечно! Я просто знаю сегодня, что такое раскаяние. Раньше считала, что раскаяться – это так себе, сказать Богу «прости». Сегодня я понимаю: раскаяние – это когда болит душа. Болит сердце. В полном смысле этого слова. Когда физически ты ощущаешь страшную боль. У меня все это было...

– Переживала драму?

– Я бы не сказала, что это драма. Скорее, поступки, которые вызвали переживания. Но это вовсе не значит, что я сделала что-то совершенно особенное, чем все остальные. Просто кто-то не обращает на это внимания, а во мне то же самое может оставить глубокую рану. Так что я знаю, что такое сожаление, знаю, что такое раскаяние... Поэтому сегодня мне не приходится делать что-то, за что потом может быть стыдно.

– Но ведь зачастую мы просто не понимаем, что поступаем несправедливо.

– Это можно сказать о людях совершенно ненормальных. Я не понимаю, как может человек не нести ответственности за свои поступки? Чувство раскаяния должно созреть. Оно не может появиться просто так.

– Как это произошло в твоем случае?

– Пришло неожиданно. В самолете. В принципе я абсолютно не была готова к этому... Было очень больно... Физически больно... Я очень страдала. И это многое изменило во мне. Я сразу стала смотреть на вещи другими глазами. Это сложно передать на словах, это нужно только почувствовать самому, чтобы понять всю боль и переживания... Я не зря сегодня говорю, что люблю животных, люблю природу. Пришел момент, когда я это поняла и осознала. Мне очень жалко цветы, я их никогда не рву. Никогда. Я могу купить их в магазине или принять в подарок, но тут же бегу, потому что знаю – им нужно попить. Вроде мелочь, правда?

> *Из интервью 1998 года:*
> *Мужа у меня нет. Есть Андрей – человек, который со мной рядом уже больше двадцати пяти лет и которого я люблю. Он тоже музыкант, понимает все мои проблемы, ведет дела, но идти с ним в церковь я боюсь. Не хочу быть замужем.*

Но я сама ощущаю физическую боль, когда вижу сорванный цветок, срубленное дерево. Это какое-то особое отношение ко всему живому. И только после этого я по-настоящему смогла сочувствовать людям. любить их, понимать чужую боль и переживания... Я убеждена, что человек, который не страдал, который, образно говоря, с розовыми щеками и без раны на душе, – пустой. Он мне совершенно неинтересен.

– Ты религиозна?

– Да. В душе – да.

– Крещеная?

– Конечно.

– А почему крестик не носишь?

– Он всегда со мной. Только не на виду. Он освящен, и подарила мне его моя племянница, которая живет в Москве. Для меня это очень серьезно, но никакие обряды, кроме поста, не соблюдаю.

– Можно ли считать твою профессию грешной?

– Я спрашивала об этом своего священника. Правда, он меня успокоил. А я считаю себя настоящим примером жертвы искусства. Да, я думала о ребенке, о семье... Но видишь, ничего не получилось. Видно, такова моя судьба. Сегодня у меня есть собака, за которую я очень переживаю, потому что не могу уделить ей должного внимания. Она стала злой и кусачей, потому что у меня нет времени заниматься ею. А справиться с ней могу только я. Вот и думаю, что было бы с моим ребенком? Я родила бы ребенка, чтобы отдать его в чужие руки?.. Печально. Но опять-таки, никто не знает, что будет завтра. Мы все только плывем по течению. Как будет угодно судьбе, так оно и случится...

– У тебя большая семья, я думаю, время для нее ты находишь.

– Да, семья у меня большая – мама, брат, две сестры. Но это еще не все. У меня племянники, у которых уже дети. И я за всех волнуюсь. Порой я чувствую себя «крестным отцом» в семье.

– Скорее, «крестной мамой».

– Когда у нас какой-то юбилей и мы собираемся все вместе, то я всегда говорю: семья – самое главное. И сразу вспоминаю фильм «Крестный отец». *(Смеется.)* Все разборки – через меня...

4. Диссидентка из Риги

– Я помню тебя в очаровательной желтой юбочке в черный горошек. У меня была смешная мечта, говорил друзьям: вот скоро стану миллионером, обязательно выкуплю ее на каком-нибудь аукционе.

– *(Заразительно хохочет.)* Ну и как, стал миллионером?

– А что, юбка еще существует?

– Ты знаешь, в какой-то момент я эту юбку просто возненавидела!

– Ты это серьезно?

– Я собиралась на конкурс в Братиславу. Был 1986 год. Конкурс был очень важным. Но я не была к нему готова. Потому что на конкурсы тогда отправляло Министерство культуры СССР. Я же в те годы считалась невыездной. И только после поручительства Яковлева меня выпустили...

> *Лайма Вайкуле находится с гастролями в Австралии. Артистка повезла свою новую программу "Лайма в стиле танго". Выступления состоятся в двух городах – Мельбурне и Сиднее с недельным перерывом. Подготовленные для спектакля декорации Лайма в Австралию не взяла по финансовым соображениям. Свободное от концертов время г-жа Вайкуле и ее танцоры посвятят отдыху.*

– А за что тебя-то в диссиденты записали? *(Теперь смеюсь я.)*

– Когда Яковлев позвонил в КГБ и поинтересовался, ему там ответили, что Лайма плохо отзывалась о Чехословакии. Представляешь, какой бред? Словом, в тот вечер я лежала в ванне, когда мне позвонил Резник и сказал: «Лайма, ты завтра утром должна быть в Москве». Оставалось тридцать минут до поезда! Я кинулась стирать эту юбку и взяла ее с собой еще мокрую. Короче говоря, юбка моя «села», но я обнаружила это только во время конкурса! На сцене была импровизированная лестница, и по сценарию мне нужно было по ней подниматься. Спуститься я как-то еще смогла, но подняться было просто невозможно! Хорошо помню, как еле-еле, боком карабкалась наверх... Я готова была юбку разорвать на части. Но ничего, гран-при я получила, а все остальное – мелочи жизни...

5. Сильная женщина

– По твоему совету пару лет назад я пытался распрощаться с сигаретой. Помнишь, это было у Людмилы Бесс? Спустя год, во время банкета у консула Кузнецова я увидел, как ты сама зажгла сигарету...

– *(Смеется.)* Я это хорошо помню. Но в тот момент у меня было такое желание затянуться сигаретой. На самом деле, думаю, не стоит объяснять, что курение очень вредно. Вообще любая привычка – это грех. Я долгое время баловалась, но не курила. Не подозревала, что это баловство приведет к тому, что я однажды серьезно затянусь. У меня даже шутка появилась: сигарета – мой друг. Когда очень одиноко, стоит зажечь сигарету – и уже не один. Такая вот философия... Ужасная. Мне нравится Америка еще и потому, что я уверена: дети здесь никогда не будут курить. Так что, не волнуйся, я с этим грехом справлюсь.

– Я знаю, ты сильная женщина, для тебя это пустячок. Кстати, определение «сильная женщина» ты спокойно могла бы оспаривать у Пугачевой.

– Почему-то для всех я сильная. Просто моя слабость принадлежит мне одной, и никому не дано этого видеть. Мама смеется: «У Лаймы спросить про то, как дела, значит: все нормально, все хорошо»... Всегда была такой, жалела маму. Старалась не огорчать ее своими проблемами. Так что «сильная женщина» – это не про меня.

– А какое определение тебе по душе?

– Лайма. И никаких кличек. Лаймите... По-латышски – счастьенко. Мама меня так называла в детстве. Я другое и не признавала. Если мама ругала за что-то и звала меня Лаймой, то были дикие обиды... Помню, как-то мама уходила на работу и не поцеловала меня. Я сразу – в слезы. Я смотрела из окна маме вслед и все плакала и плакала... Прошло минут двадцать, и мама специально вернулась, чтобы меня поцеловать. А я к этому времени успела накраситься, одеться в мамины платья, и такая, по уши накрашенная, стояла на стуле и выполняла какую-то роль. Мама вспоминает, что в таком смешном виде я стояла на табуретке и слезы размыли всю краску на лице...

– Было бы здорово написать о тебе книгу.

– Предложений много. Но я считаю, книга должна быть очень откровенной. Должно быть покаяние в ней. Одно время я сама пробовала писать. Я использовала японские хайки, что-то вроде наших пословиц. Но все получилось очень философски, и эту книгу могли бы понять только те, кто пережил приблизительно то же самое. Вот и отбросила это занятие... И потом, я бы не хотела, чтобы эту книгу прочитала моя мама. У меня есть тайны, о которых я не хочу сейчас говорить...

6. Подумайте, грешны ли вы?

– Что может разозлить тебя больше всего?

– Ненавижу глупость. Она меня раздражает. Глупость, пожалуй, – единственное, что может заставить меня не очень корректно себя вести. Я считаю, это тоже грех. Пытаюсь бороться с этим.

– Тебя послушать, так жить даже не захочется. Грехов больше, чем нужно. И вообще, почему ты хочешь говорить о грустном? Я все время пытаюсь уйти от этой темы.

– Со мной всегда может найти язык тот, кому плохо. На философские и грустные темы я всегда с удовольствием открываюсь. Поэтому и называю себя плакучей ивой. Ведь веселого в жизни мало. Мне кажется, что все веселое и жизнерадостное – это удел легкомысленных и глуповатых людей. Не хочу, конечно, при этом кого-то обидеть, но это так на самом деле. Я помню свою подругу Таню, очень эрудированную и умную девушку, которая писала замечательные стихи. Когда я ее спрашивала: «Таня, как дела?» – она всегда отвечала: «Плохо». Почему плохо? Ведь все замечательно! А она мне в ответ: «А что хорошего?». Она все время это повторяла: а что хорошего? Я думаю, в свои двадцать лет Таня могла нести в себе больше боли, чем все ее ровесники в том же возрасте... И чем дальше мы видим будущее, тем нам должно быть грустнее. Когда начинаешь думать о том, как живут дети в Африке, когда задумываешься о проблеме животных и растений, становится очень грустно...

– Тебе не кажется, что с таким настроением немудрено впасть в депрессию?

– Это вовсе необязательно. Надо уметь трезво смотреть на реальность. У меня в жизни была ситуация, когда я поняла, что все депрессии очень глупы и неважны. Я была в очень плохом состоянии. Андрей плавал в бассейне. Светило солнце, и я не могла ничего подобного делать. Мне было очень плохо. И я подумала: «Боже! Какое несчастье, что он не понимает, как он счастлив! Светит солнце, он здоров и плавает в бассейне, и он не понимает, какое это счастье! Эта вода, поют птицы, красота вокруг... Не надо больше ничего! Ни-че-го! Все остальное – мелочи жизни! Вот тогда я стала даже понимать бомжей, которые живут на улице, и им ничего не нужно. Я думаю, что внутри я такая же. Мне никогда не нужно было ничего материального. У меня никогда в жизни не было ни одного бриллиантового кольца, я просто не ощущаю потребности в этом. Дом, квартира – все это неважно! Важно, чтобы мы правильно умели ценить жизнь, которая нам дана свыше. Важно, чтобы мы умели быть благодарными за это... Мне бы хотелось, чтобы в последнюю минуту моей жизни светило солнце, чтобы было лето и было светло. Я бы хотела, чтобы меня похоронили там, где тепло. Ты знаешь, в первый раз я подумала, что хотела бы умереть в лос-анджелесском зоопарке. Там, где попугаи, птицы... Я там была много раз. Там так прекрасно! Мне бы хотелось слиться с природой. Может быть, поэтому мне так нравятся американские кладбища. Там всегда светло и поляна... Нет деревьев, нет леса, не темно и не мрачно... Да, иногда мы не понимаем, как счастливы, и можем оценить это только тогда, когда столкнемся с настоящим горем. Вот это и есть самый большой грех... Библия настолько умная книга. У нее нет начала и нет конца. Ее надо научиться понимать. И вообще все зависит от зрелости, от понимания и восприятия жизни... Вот опять. Со мной можно говорить только о слезах. О веселом трудно...

Беседовал Агасси ТОПЧЯН, Беверли-Хиллз, Калифорния (США).

Любимый композитор певицы Игорь Крутой, ее boyfriend Андрей Латковский и сама Лайма.

> *Из интервью 1998 года:*
> *Есть люди, которые для меня неприемлемы по человеческим качествам. Илья Резник – не мой человек.*
> *...Первый конфликт случился, когда в "России" проходили его творческие вечера. Мне тогда сделали операцию на связках, врачи запретили не то что петь, говорить даже. "Споешь под фонограмму", – сказал Резник. "Я не умею. Это тяжело. Я не люблю". Но согласилась, сработала один концерт. Потом меня повезли в поликлинику Большого театра. "Ты можешь потерять голос", – предупредили врачи. Резник этого не понял. Он самолюбив: на его концерте не может быть хуже, чем у других. Впоследствии он эмигрировал в Америку. Я позвонила, зная, как ему тяжело: "Илюша, я хочу вам помочь. Есть предложение, которое вас заинтересует...". Он написал несколько текстов и назвал цену, в два раза превышающую ту, что он тогда брал. Я ведь знала, сколько ему платили певцы. Я уговорила Паулса написать музыку, у них тогда был конфликт. Заказала студию. И тут приходит факс от Ильи. Оказывается, гонорар, который он попросил, маленький, надо заплатить в два-три раза больше. И что еще я должна платить ему с каждого концерта. В общем, все, кроме свежего воздуха, принадлежит Резнику. А я – свободолюбивый человек с легкой клаустрофобией. Возмутилась и ответила: "Спасибо за сотрудничество. От ваших услуг я отказываюсь".*